

О ПИСЬМАХ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ
РУССКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ В СВЯЗИ С ИЗМЕНОЙ МАЗЕПЫ
(1708 г.)

В. Е. ШУТОЙ

В дворянской и буржуазной русской и украинской, шведской и польской историографии довольно широко освещена измена украинского гетмана И. С. Мазепы. Советские исследователи, рассматривая вопрос о переходе Мазепы на сторону шведского короля Карла XII, привлекли много новых, ранее неизвестных архивных документов¹.

См. В. Дядиченко. Мазепа — зрадник українського народу. «Радянський Львів», 1946, № 7; В. Д. Королюк. Речь Посполитая. Французская дипломатия и

Враги России торжествовали по поводу измены Мазепы. Однако украинский народ не только не поддержал гетмана-изменника, но поднялся на смертельный бой с ним и его покровителями — шведскими завоевателями. Известно, что Петр, узнав об измене Мазепы, обратился в конце октября 1708 г. с манифестами к украинскому народу, с письмами к представителям казацкой старшины и высшего духовенства, в которых раскрывалась политическая сущность измены гетмана². В связи с нависшей опасностью казацкое войско и все население Украины призывались к тому, «дабы на прелест и измену сего изменника, бывшего гетмана, не смотрели, но при обороне наших Великороссийских войск против тех неприятелей стояли». Уже в начале ноября жители многих украинских городов, полков и сотен³, казаки и послопитые, а также представители старшины и духовенства стали присыпать ответные письма русскому правительству.

До нас дошло несколько подлинников таких писем. Они хранятся в ЦГАДА, в фонде «Малороссийские дела» за 1708 г., в делах 67 и 130.

С делом 67, в котором собрано большинство писем, был знаком Д. Н. Бантыш-Каменский. Но его по преимуществу интересовала история гетманов, а не народа, и он ограничился лишь упоминанием о том, что «старшины, казаки и мещане письменно удостоверяли государя в ненарушимом послушании, верности и подданстве своей»⁴. Н. И. Костомаров рассматривал письма как членобитные «о преданности Малороссии московскому престолу». В сносках он напечатал выдержки из трех писем, правда, не придерживаясь точно подлинников⁵.

Письма украинского народа, как и вся его героическая борьба против шведских завоевателей и изменника Мазепы, вызывали и вызывают особую ярость буржуазных националистов. Они всячески стараются фальсифицировать эту борьбу. В 1938 г. так называемый «Украинский научный институт» в Варшаве издал двухтомный сборник «Мазепа», в котором помещена статья ныне покойного Б. Крупницкого «Шведи і населення на Україні 1708—1709 рр. (на підставі Шведських джерел)». Автор ее, разделяя точку зрения лидера украинского буржуазного национализма М. С. Грушевского, утверждает, что клятвенные обещания украинского населения Петру, русскому правительству «нужно рассматривать как известную дипломатию со стороны разных городов и селений, чтобы обеспечить себя на всякий случай с царской стороны»⁶. В вышедшем в 1958 г. в Швеции очередном томе «Ежегодника Каролинского союза» напечатана статья ученика Крупницкого Б. Кентржинского «Пропагандистская война на Украине в 1708—1709 гг.»⁷. В ней речь идет о «войне», которую вели между собой посредством манифестов и универсалов, разъяснявших населению военно-политические цели и задачи воюющих сторон, Петр I и гетман И. И. Скоропадский, с одной стороны, Карл XII и Мазепа, с другой. Автор уходит от ответа на вопросы: как относилось местное население к этой пропаганде и какое место в данной связи занимают рассматриваемые письма? Он заявляет, что «анализ эффективности или неэффективности всей пропаганды... выходит за рамки этой статьи». В то же время Кентржинский утверждает, что «казаки не были в состоянии самостоятельно сделать выбор и могли только встать на ту или другую сторону»⁸.

Советские историки расценивают сохранившиеся письма как важные исторические документы, отражающие подлинное настроение, боевой и патриотический дух всех слоев украинского народа в период пребывания шведской армии на Украине. По этой причине они не считают возможным в своих работах ограничиваться одним лишь сообщением о письмах или ссылками на них. Еще в 1939 г., в связи с 230-летием Полтавской битвы, было опубликовано при участии автора статьи два письма: жителей полкового города Лубны и сотенного города Новгород-Северского Стародубского полка.

измена Мазепы. «Изв. АН СССР», серия ист. и филос., 1951, т. VIII, № 1; В. Е. Шутой. Измена Мазепы. «Исторические записки», т. 31; и др.

² «Письма и бумаги имп. Петра Великого», т. VIII, вып. 1. М.—Л., 1948, № 2760—2763, 2757—2783, 2791—2794.

³ На Украине полки и сотни были не только военными, но и административно-территориальными единицами.

⁴ Д. Н. Бантыш-Каменский. История Малой России, СПб., 1903, стр. 401.

⁵ Н. И. Костомаров. Собр. соч. Исторические монографии и исследований, кн. VI, т. XVI, СПб., 1905, стр. 641—642.

⁶ Сб. «Мазепа», т. II, Варшава, 1938, стр. 14.

⁷ Propagandakriget i Ukraina 1708—1709. Nagra anteckningar och synpunkter. Av Bohdan Kentrschynskyj. «Karolinska Förbundets Årsbok», 1958.

⁸ Там же, стр. 124.

Письмо жителей Лохвицы Лубенского полка напечатано в «Примечаниях» к «Письмам и бумагам имп. Петра Великого»⁹.

Задача настоящей статьи выяснить объективные обстоятельства дела, что позволит опровергнуть лживое утверждение украинских националистов о неискренности отношения населения Украины к России, точно так же как была опрокинута версия М. С. Грушевского о том, что население Украины не принимало никакого участия в событиях 1708—1709 гг.¹⁰.

Прежде всего необходимо рассмотреть, в каких условиях писались упомянутые письма, действительно ли они были вызваны страхом перед русскими войсками. Письма написаны между 3 и 8 ноября 1708 г. В то время русские войска были сосредоточены на севере Левобережной Украины — в Стародубском и, частично, Нежинском полках, особенно в районе Глухова, где происходили выборы нового гетмана вместо изменника Мазепы. Что касается южных полков — Лубенского, Миргородского, Прилуцкого, откуда посланы были письма Петру I, — то в них русских войск не было. Более того, полковники указанных полков ушли с Мазепой, а в Прилуках к тому же находились жены изменников. Таким образом, предположения о том, что письма написаны под влиянием страха следует отбросить.

Не менее важным является вопрос о том, от имени каких слоев населения посылались письма и кто их подписывал. Документы написаны украинской скорописью начала XVIII в. До сих пор еще не была сделана попытка прочесть подписи. Они опущены даже в целиком опубликованных документах. Так, в конце упомянутого выше письма жителей Новгорода-Северского читаем: «Достоверные все мы обще выполнити власные наши имяна и руки зде подпишем, в року 1708-м месяце ноемврия 5-го дня». Под подлинником этого письма стоят 57 подписей. Они занимают две страницы¹¹ и разбиты на четыре колонки. Каждый подписывался «рукю власною». Одна подпись от другой отделена чертой. Подписи разделены на три группы соответственно числу сословий, бывших на Украине в начале XVIII в., и имеют следующие названия: «духовного чина», «товариство бойковое», «люде посполитие».

Группа «духовных чинов» довольно значительна. Она состоит из 12 представителей от монастырей и церквей. Возглавляет их, как и список в целом, настоятель Новгород-Северского мужского Спасо-Преображенского монастыря. Он подписался так: «Обители всемилостивейшего спаса Новгородка Северского Никон, архимандрит з братею». Монастырь принадлежал к числу древнейших православных монастырей на Руси, пользовался большим влиянием и имел обширные земельные владения¹². Вторым подписался, как и Никон, «з братию», Иона Болоховский игумен и основатель (в 1681 г.) Каменского Успенского мужского монастыря¹³.

Среди остальных десяти представителей духовенства — шесть иереев, один диакон, плюс попа. В числе иереев — капеллан всего Стародубского полка Иван Палчиковский. Упомянутые церковные учреждения находились не только на территории Новгород-Северской, но и на территории других сотен Стародубского полка. Так, например, Каменский мужской монастырь был на территории Топальской сотни, Рождественский — на территории Погарской сотни (его представлял «иерей Мануил Иванов»), Покровский монастырь — на территории Почепской сотни (от его имени подписался «иерей Наум»). Значащийся в списке «Иосиф Костиев, поп Машевский», видимо, назывался так по селу Машев Шептаковской сотни. К сожалению, местонахождения остальных упомянутых церковных учреждений установить не удалось¹⁴.

⁹ «Красный архив», 1939, № 4 (95), стр. 160—162; «Письма и бумаги имп. Петра Великого», т. VIII, вып. 2, М., 1951, стр. 876.

¹⁰ М. С. Грушевский. Очерк истории украинского народа, СПб., 1904, стр. 295.

¹¹ ЦГАДА, ф. 124, 1708, д. 67, лл. 3 об.—4. Письмо пострадало от времени и местами прошвано. Вырванные слова обозначены многоточием.

¹² См. «Историко-статистическое описание Черниговской епархии», кн. третья, Мужские монастыри, Чернигов, 1873, стр. 35—92.

¹³ См. «Историко-статистическое описание Черниговской епархии», кн. четвертая, Женские и закрытые монастыри, Чернигов, 1873, стр. 55—56; Ал. Лазаревский. Описание Старой Малороссии, т. I, Полк Стародубский, Киев, 1888, стр. 430—432.

¹⁴ В списке значится еще «Семион Иосифович, поп слабодской». Последним в списке духовных лиц подписался «Стефан Андреевич, обители Новгородской, рукою власною».

Вслед за духовенством подписались 24 представителя казачества. На первом месте представители старшины Новгород-Северской сотни: «Василий Афанасович, атаман городовой Новгородский», «Семен Березовский, писарь сотенный Новгородский», «Василь Яшенко, хоружий сотенный...», «Иван Тимофеевич, асаул сотенный Новгородский». Подробных биографических сведений о новгород-северской сотенной старшине не имеется, за исключением писаря Семена Березовского¹⁵. Затем подписались атаманы сел Новгород-Северской сотни «Микула Омельянович, атаман Комонский з товариществом» (с. Комонь принадлежало новгород-северскому магистрату), «Терех, атаман погребский з товариществом» (с. Погребки), «Прокоп, атаман Шатретский з] товариществом» (с. Шатрищи), «Сисой Герасименко, атаман Ивотенский з товариществом» (с. Ивоть). От своего имени и по уполномочию всей сотни подписался «Грицко, городничий новгородский, и вся сотне новгородской атомания з всем товариществом».

Как в группе духовенства, так и среди казачества, находим представителей других сотен. Например, атаманы сел Шептаковской сотни: «Самуйло Корхов, атаман Серединский з товариществом» (с. Середина-Буда), «Пилип Павлович, атаман Багриновский з товариществом» (с. Багриновка), «Павел Подковченок, атаман Фаевский з товариществом» (с. Фаевка). От Бакланской сотни подписался: «Антил Соколовский з Баклани»¹⁶.

По-видимому, не только сам факт подписания письма представителями других сотен, но прежде всего полное сохранение верности населением всего Стародубского полка дало основание поставить такую коллективную подпись: «Як в сотни в Новгородской, так и во всех сотнях Стародубских быть подданими царскому величеству ставятся». Характерно, что все атаманы подписались не только от своего личного имени, но вместе «з товариществом», т. е. и от имени подчиненных им казаков.

4 человека подписали только свое имя, отчество и фамилию, а 5 — имя и отчество без указания занимаемой должности или положения. Надо полагать, что они, поскольку подписались среди группы «войского товарищества», принадлежали к казацкой старшине и современникам, вероятно, были хорошо известны. Нам удалось найти данные об одном из них — И. А. Судиенко¹⁷.

От городского населения подписались 20 представителей. По подписям почти невозможно установить социальное лицо представителей городского населения Новгорода-Северского. Только в трех случаях указано социальное положение подписавшего. Однако даже то немногое, что мы узнали из анализа подписей, представляет интерес. Так, мы находим представителя ремесленников — мастера портняжного цеха, подписавшегося: «Якуб Крищенко, цехмистр кравецкий зо всем брацтвом». Как видим, подобно представителям духовенства и казачества, цехмистр подписался не только от своего имени, но и от имени всех членов цеха, а их было немало¹⁸. Есть подпись и представителя торгового люда — «Арешко, Крамер»¹⁹. «Матфей Любартович, писарь подворовий», по-видимому, представлял магистрат. Имеются и некоторые данные об Иване Захаровиче Плаксе, подпись которого стоит под письмом. Он был богатым человеком. Еще в 90-х годах XVII в. купил у своего зятя И. А. Судиенко (см. о нем выше) землю и мельницы, а в 1710 г. был известен как новгород-северский войт²⁰.

В самом порядке подписания этого адресованного царю письма отразилось положение сословий в тогдашнем украинском обществе, а также положение отдельных групп

¹⁵ Он был сотенным писарем с 1700 по 1710 г. В 1708 г. участвовал в походе под Быхов и в других боях. Позднее был новгород-северским сотником, полковым есаулом и наказным полковником Стародубского полка. Умер в 1728 г. (подробнее см. Ал. Лазаревский. Указ. соч., т. I, стр. 100—102 и др.; В. Л. Модзалевский. Малороссийский родословник, т. I, А.—Д., Киев, 1908, стр. 47).

¹⁶ О Соколовском известно, что он «кушнарский сын». В местечке Баклань — центре Бакланской сотни — стал влиятельным человеком после того, как в 1706 г. женился на вдове убитого в боях со шведами сотника И. Мовчана. С 1712 по 1727 г. он — сотник бакланский. (Ал. Лазаревский. Указ. соч., т. I, стр. 286; П. Кулиш. Записки о Южной Руси, т. II, СПб., 1857, стр. 342).

¹⁷ Источники называют его «славетный и значный товарищ войсковый». Это — участник чигиринского (1677 г.), перекопского (1695 г.), быховского и полтавского походов Северной войны. В 1706 г. он числился обывателем новгородским. С 1709 по 1726 г. он — новгород-северский городовой атаман и наказной сотник.

¹⁸ В Новгороде-Северском в XVIII в. насчитывалось 74 портных и их работников.

¹⁹ «Крамер» — вряд ли фамилия. На украинском языке это слово означает купец, торговец, лавочник.

²⁰ В. Л. Модзалевский. Указ. соч., т. IV. Киев. 1914, стр. 96—97.

населения внутри сословий. Так, например, представитель поспольства писарь Любартович подписался восьмым, И. З. Плакса — одиннадцатым, торговец Арешко — восемнадцатым, цехмистр Крищенко — девятнадцатым, т. е. почти последним. Затем следует коллективная подпись от имени всего населения города Новгорода-Северского и уезда: «Всякого чина большого и меньшого, як много в себе города Новгородок и уесь уезд Новгородской содержит, верными подданими его царского пресветлого величества в потомех часов записуются». В конце письма имеется помета: «Присяга жителей из Новгородка Северского». Однако разбор списка подписавшихся в той степени, в какой позволяют источники, показал, что в действительности письмо подписали не только представители города Новгорода-Северского, Новгород-Северской сотни, но и других сотен. Так что в действительности письмо выражало чувства и стремления населения всего Стародубского полка. Стародубский полк не вызывал сомнения у русского правительства, русских военачальников.

Стародубский полковник И. И. Скоропадский не последовал за Мазепой. Более того, он был намечен, а затем и избран гетманом. Казаки и посполитые Стадубщины проявили много мужества и храбрости при обороне от шведов полкового города Стародуба и сотенных городков Мглина, Новгорода-Северского, Почепа и Погара.

Иное дело Прилуцкий полк. Во главе его стоял личный друг Мазепы Д. Л. Горленко. Он, по характеристике его преемника И. Я. Носа, «все, что хотел, то и делал, имея протектора своего и отца в бывшем гетмане Мазепе»²¹. Горленко, как участник предательского заговора, последовал за гетманом-изменником. Часть казаков Прилуцкого полка была послана Мазепой в Батурино для обороны его от русских войск до подхода шведов. В самом городе Прилуках, как сказано выше, собирались жены видных мазепинцев. Верховодила в городе жена генерального писаря Ф. Орлика. Она расправлялась с патриотами.

Жены изменников переписывались со своими мужьями, находившимися в шведском войске. Так, жена «писаря судового генерального» Семена Савича²² писала ему из Прилук 30 октября 1708 г. о том, что «из дома рушились до Прилук», куда «со всем в целости приехали... и нарочно посылаю до вас Романца, чтобы ваша милость изволили ехать до Прилук, ибо туда на Нежин отнюдь не можно ехать за москалями. При том же вам ведомо чиню: его милость пан Прилуцкий вчерашияго дня прислал письмо поспешное. Хвала богу, надеются, что все будет доброе. Еще озnamую вам: возы наши все застают в целости, ибо мене уведомил генеральный писарь, чтобы я возы до себе взяла»²³.

Упомянутое письмо прилуцкого полковника было адресовано полковому судье Трофиму Васильеву (Васильевичу). Сообщив о прибытии мазепинцев в шведскую армию, Горленко строго («пилино») повторил данный им ранее устный приказ: «дабы всякую осторожность имел, людей пресмыкающихся по месту престерегал и изо всех mestечек и сел полку нашего, Прилуцкого, всех козаков конных и пеших выгнал для обороны мест, дабы имели оным от неприятеля на вас наступающагося (т. е. от русских войск.— В. Ш.) боронитися [обороняться] приказуем и зyczim [желаем]... Для чего и для яких причин с войсками швецкими совокупились будет унверсалами его милости пана гетмана, нашего добродея, в скром временії всей Украине объявлено...»²⁴. Напомним, что русских войск на территории Прилуцкого полка совершенно не было.

В тех условиях вопрос о том, за кем пойдет население Прилуччины, на чей призыв оно откликнется: русского правительства или своего полковника, был далеко немаловажным.

Судя по цитированному выше письму жены Савича, мазепинские приспешники чувствовали себя в Прилуках неплохо и даже надеялись, что «все будет доброе». Но их иллюзии вскоре рассеялись. На рассвете 2 ноября 1708 г. русскими войсками была взята резиденция Мазепы — Батурино. Это сразу изменило обстановку. 3, 5, 6 и 8 ноября жители полкового города Прилук и одна за другой сотни Прилуцкого полка послали письма Петру I. В них казаки и посполитые, старшина и духовенство «все единстайне» заявляли русскому правительству о своей непричастности к гетманской измене, о своей

²¹ «Русский архив», кн. 2, М., 1876, стр 252—253.

²² О нем см. В. Л. Модзалевский. Указ. соч., т. IV, стр. 434—435.

²³ Архив ЛОИИ, ф. 83 (походная канцелярия А. Д. Меншикова), оп. 1, карт. 9, № 337, на 1 листе, копия.

²⁴ Там же, карт. 10, № 13.

верности России и готовности к борьбе с изменниками и неприятелем. Под письмом от имени населения Прилук и полковой сотни подписались, кроме протопопа, вся полковая старшина, представители города и сотни²⁵. Документ, адресованный правительству от имени одной сотни, подписали официальные лица, представлявшие весь полк.

Первое письмо из Прилукского полка было послано Петру I казаками и посольством Иченской сотни 3 ноября. Оно подписано наказным сотником иченским Герасимом Григорьевичем Дараганом «зо всем урядом». Некоторое недоумение вызывает тот факт, что столь важный и ответственный документ, адресованный царю, подписал наказной, а не настоящий сотник — Андрей Иванович Стороженко, занимавший сотенный «уряд» 12 лет (1703—1715). Единственным объяснением может служить то, что Стороженко, наверное, вместе с Носом находился в Батурине и еще не доехал до Ични. Подобная картина наблюдается в Варвинской сотне, откуда письмо Петру I послано было 6 ноября. Его подписал только «Хведор Фоменко, атаман городовой варвинский». О варвинских сотниках последних лет XVII в. и первого десятилетия XVIII в. сведений не сохранилось. Установлено лишь, что среди старшины Прилукского полка, подписавшей в Глухове присягу гетмана И. И. Скоропадского, был «Матвей Иосифович Кисленко, сотник наказний варвинский». Сребрянская сотня того же полка послала письмо Петру I 8 ноября. Под ним подписалась вся сотенная старшина²⁶.

Всего в Прилукском полку было 9 сотен, известны письма 4 сотен.

Такое же положение, как в Прилукском, было и в Миргородском полку, находившемся дальше от расположения русских войск. Миргородский полковник Д. П. Апостол, как и Горленко, последовал за Мазепой. Подобно прилукскому полковнику, Апостол²⁷ написал письма в свой полк на имя полкового обозного Василия Онисимовича, приказывая ему не слушать сплетен («плиоток») и вместе с полковым судьей и сотниками явиться к Мазепе «для отданя поклону», а всех, пришедших с грамотами Петра и нового гетмана, ловить и присыпать к Мазепе²⁸.

Из писем, адресованных Петру I от Миргородского полка, до нас дошло лишь одно. Оно написано 5 ноября 1708 г. в м. Сороцинцы от имени населения Сороцинской сотни. Как и другие письма подобного рода, оно было ответом на грамоту Петра I от 28 октября или 1 ноября. Авторы благодарили Петра за то, что он «изволил под сей час мятежный своею царскою креповажною грамотою посетити и словами выраженными, з чего мы все, як духовний, так и свецкий стан со всеми поспольством, яко благодарни естесмо... а всякий враг и супостат, яко иеретик, своим ласкоми нас не прельстит и неповабить к себе словами. Едно то всем за найгоршое приходит, шо ныне господина своею полкового в дому не меем и не ведаем где он оборочает, зачим з голосами себе, яко овци без пастыра, не можем дати поради [совета]. Тилько на ваше царское величество всю нашу надежду»²⁹. По стилю своему это письмо отличается от других. Оно, вероятнее всего, написано духовным лицом. Подписали его духовные лица, представители полковой и сотенной старшины и городского поспольства³⁰. При внимательном анализе подписей

²⁵ «Иоанн Андреевич, протопоп Прилукский (в тексте Прилоцкий); Иван Яремович Нос, обозний полковой Прилукский; Трофим Васильевич, судья полковой Прилукский; Семен Федорович, асаул полковой; Михаил Григорьевич, хоружий полковой Прилукский; Григорий Матвеев, атаман городовой Прилукский, також и товариство войсковое полковой сотни Прилукской; Иван Куленко, вoyer Прилукский из мищанами и з усеми посполитими людьми».

²⁶ «Антон Трофимович, сотник сребрянский; Сава Ильченко, атаман городовой, зо всем старшим и меншим товариством; Андрей Широкий, вoyer сребрянский, зо всем посполитим народом».

²⁷ Воспользовавшись случаем, Д. П. Апостол отстал от Мазепы и 21 ноября 1708 г. уже был в Сороцинцах, в расположении русских войск.

²⁸ ЦГАДА, ф. 124, 1708, д. 84.

²⁹ Там же, д. 67, л. 6. В конце письма помета: «Грамота Осударова досталася рук наших от Дениса Федоровича хоружой ще таку вскоро, Иуда Мироновича Матарова, Игната Логинова, Тихона Самойловича Токмачова и Федора Евстафиевича».

³⁰ «Вашему царскому пресветлому величеству верные поддание: Василий Яковович, поп всемилостиваго Спаса; Пантелеимон Григорьевич, поп свято... дечиский; Василий Александрович, Свято Никольский; Иосиф Стефанович, Воздвиженский; Иаков Григорьевич, священник Сороцинский; Василий Онисимович, обозний полку Миргородского и полковник наказний Миргородский; Николай Леонтиевич, сотник Сороцинский; Грицко Безвонконный, атаман городовой; Прокул Ященко, вoyer Сороцинский; Кондрат Шульга и Петро, бурмистри ратуши Сороцинской; Семен Сведенский; Иван Васильевич, писарь меский (т. е. городской.— В. Ж.)».

брасается в глаза следующее. Во-первых, подписалось несколько священников, из которых Иаков Григорьевич — местный, сорочинский, а остальные, по-видимому, из ближайших обителей и населенных пунктов, на что указывают первые две подписи. Во-вторых, под письмом, адресованным от имени одной, и то даже не полковой сотни подписался наказной полковник Василий Онисимович. Его подпись, как и в предыдущих случаях, придает письму значение общеполкового характера, но в то же время наказной полковник находился не в своей резиденции — Миргороде, а на значительном от него расстоянии. Возможно, это было связано с тем, что в те дни здесь находились бежавшие из Батурина, где они были в заточении, жены казненных Мазепой в июле 1708 г. В. Л. Коубея и И. И. Искры, сыновья и дочери Коубея³¹. В-третьих, под письмом имеются подписи, не встречавшиеся в предыдущих письмах: двух бурмистров Сорочинской ратуши и городского писаря.

Сохранились письма, адресованные русскому правительству в начале ноября и от Лубенского полка, находившегося между Прилуцким и Миргородским полками: два письма — от жителей полкового города Лубны и одно — от казаков и послопитых Лохвицкой сотни того же полка. Обстановка в Лубенском полку была еще более напряженной, чем в упомянутых выше. Полковник лубенский Дм. Зеленский, как и полковники прилуцкий и миргородский, перешел вместе с Мазепой на сторону противника. Но в отличие от Прилуцкого и Миргородского полков, здесь изменила вместе с полковником почти вся полковая старшина. Генерал-майор Г. С. Волконский доносил А. Д. Меньшикову: «...Извещал нам казак Лубенской, что бутто Лубенской судья и сотник, и атаман, и Лукомской сотник, которые при изменнике Мазепе, ныне приехали до Лубенска. Не повелишь ли под них послать партию и совсем их забрать»³². Через день Волконский снова доносил: «Я ж посыпал партию в Лубны для взятия Лубенского судьи. И тот судья ушел, а сказывал мне господин полковник Галаган, что судья едет с ним до твоей светлости. А дом полковника Лубенского тамошние жители пограбили весь, только взята к нам одна лошадь его»³³.

Жители Лубны жаловались Петру I, что в городе нет «целого начального» и они не знают, «где обретаются» их начальники³⁴. Видимо, по этой причине лубенский полковой сотник Василий Савич был сделан наказным полковником. Савич находился тогда в Глухове в этом чине. Его подпись на присяжном листе при избрании Скоропадского следующая: «Василий Савич, сотник Лубенский и полковник наказной»³⁵. Лубенская старшина, будучи «наказной», да еще при отсутствии полковника, не осмелилась подписать каждый лично с указанием чина, а ограничилась общей подписью: «Все купно як козаки и послопитие сожители Лубенские»³⁶.

Под вторым письмом подписались «Все, як козаки и послопитие, сожители Лубенские». Жители Лохвиц и окрестных сел, казаки и послопитые, «всі единодушно духовного и мирского чина, начальники и подначальники», заверяли в своей неизменной верности, «яко и всегда заставали». Подпись под письмом гласит: «все едино мислностью, як козаки и послопитие, люде лохвицкие, покорно челом бием и в сей суплеце [петиции] подписуемся»³⁷.

Эти три письма были посланы Петру I в первых числах ноября, но известно, что в декабре лубенцы также послали письма Петру, которые, к сожалению, не сохранились. 13 декабря Г. Волконский доносил А. Д. Меньшикову: «Сего числа прислали ко мне лубенские казаки и мещане челобитную до царского величества. И я тое челобитную послал до твоей светлости»³⁸.

³¹ Н. И. Костомаров. Собр. соч., кн. VI, т. XVI, стр. 666.

³² Архив ЛОИИ, ф. 83, оп. 1, карт. 10, № 206, на 1 листе.

³³ Там же, № 225, на 1 листе.

³⁴ ЦГАДА, ф. 124, д. 67, л. 12.

³⁵ А. М. Лазаревский. Исторический очерк Полтавской Лубенщины XVII — XVIII вв. «Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца», кн. XI, Киев, 1896, стр. 51; «Источники Малороссийской истории», собранные Д. Н. Бантыш-Каменским и изданные О. Бодянским, ч. II, 1859, стр. 182.

³⁶ «Красный архив», 1939, № 4 (95), стр. 160.

³⁷ ЦГАДА, ф. 124, д. 67, лл. 12об.—13.

³⁸ Архив ЛОИИ. ф. 83, оп. 1, карт. 10, № 203. Письма, о которых речь шла выше, имеют не только историческое значение. В них содержится важный для исследователя фактический материал. Подписи дают возможность уточнить биографии ряда известных деятелей того времени, узнать много новых фамилий участников народной войны на

Мы рассмотрели сохранившиеся подлинники писем населения Украины к русскому правительству, написанные в начале ноября 1708 г. в ответ на царские грамоты в связи с изменой Мазепы. Многочисленные косвенные данные свидетельствуют о том, что подобные письма присыпали и другие полки и сотни, не только Левобережной, но и Правобережной Украины, формально находившейся под властью Речи Посполитой. Все семь полков и города Правобережья прислали к киевскому воеводе Д. М. Голицыну своих начальников и представителей, которые «обещались и крест целовали верно служить государю»³⁹.

Но даже те немногие письма, которые дошли до нас, решительно опровергают лживые утверждения украинских буржуазных националистов (М. Грушевского, Б. Крупинского и др.) о том, будто эти письма явились результатом боязни русских войск, двурушническим актом со стороны населения Украины. Буржуазные националисты замалчивали совместную борьбу русского и украинского народов против общего врага, делали все, чтобы опорочить украинский народ.

Разбор около ста подписей дает большой, интересный и конкретный фактический материал, показывает, что лица, подписывавшие письма, представляли разные слои населения: казацкую старшину (главным образом низшую и частично среднюю) и духовенство (также в основном низшее), рядовых казаков, городскую верхушку («можных»), торговый люд и ремесленников. Атаманы подписывались вместе с «войсковым товариством», а войты — «с послопитим народом» или, как подписался прилуцкий войт, «из мищанами и з усеми послопитими людьми»⁴⁰.

Народ Украины решительно отмежевывался от гетманской измены, заверял русское правительство в своей готовности вместе с русским народом вести непримиримую борьбу с изменниками и завоевателями. Все, сказанное в письмах, было сказано чистосердечно и искренне. Подтверждением этому служат боевые дела украинского народа, его мужество и стойкость, народная война, развернувшаяся на Украине во время пребывания там шведских захватчиков.

Украине, неведомых даже такому неутомимому исследователю истории Украины XVII—XVIII вв., каким был А. М. Лазаревский, автор трехтомного «Описания Старой Малороссии», посвященного полкам Стародубскому, Нежинскому, Прилуцкому.

А. М. Лазаревский приводит в биографические данные полковой и сотенной старшины. Однако в подробном описании Новгород-Северской сотни (См. А. Л. Лазаревский. Описание Старой Малороссии, т. I, Полк Стародубский, стр. 195—234) мы нашли данные лишь о считанных лицах из числа свыше 40 подписавших письмо Петру I. Подписи под письмом жителей Прилук и полковой сотни Прилуцкой дают нам возможность уточнить биографические данные почти всей полковой старшины. Оказывается, И. Я. Нос был полковым обозным не только в 1677 и 1706 гг., как утверждает А. Лазаревский (там же, т. III, Полк Прилуцкий, стр. 57), но до самого его назначения полковником (1708 г.). Судья Прилуцким в 1708 г. был Трофим Васильевич. Семен Федорович был есаулом полковым не только в 1688, 1689, 1695 гг. (там же, стр. 66), но занимал этот «уряд» и в 1708 г., когда был выдвинут на освободившееся место полкового обозного. То же можно сказать о полковом есауле Михаиле Григорьевиче. Сребрянский сотник Антон Трофимович Троцина, показанный А. Лазаревским на данном «уряде» с 1710 г., был сотником еще в 1708 г. Что касается атаманов, войтов и даже отдельных сотников, то данных о них нет нигде. Любопытно, что многие представители полковой и сотенной старшины подписывали только имя и отчество, хотя у некоторых уже были тогда фамилии. По-видимому, фамилии еще не привились и сами носители их к ним не привыкли.

³⁹ Архив ЛОИИ, ф. 33, оп. 1, карт. 10, № 215.

⁴⁰ Удельный вес послопитых среди жителей Прилук виден из следующих данных: по переписи 1666 г. ремесленное население Прилук составляло 36% всех горожан, в 1713 г. там было 569 хозяев послопитых.

